

Л. Н. Толстой

**Избранные письма
1842-1881 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т52

Толстой Л.Н.
Т52 Избранные письма 1842-1881 гг. / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 354 с.

ISBN 978-5-4241-1896-8

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого было приурочено новое, юбилейное Собрание его сочинений в 22-х томах. В него входят все художественные произведения, статьи о литературе и искусстве, избранные публицистические статьи, избранные письма и дневники.

Каждый том сопровождается историко-литературными комментариями.

ISBN 978-5-4241-1896-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л.Н. Толстой, 2021

Лев Николаевич Толстой
Собрание сочинений в
двадцати двух томах
Том 18. Избранные письма
1842-1881

1842

* 1. Т. А. Ергольской
<перевод с французского>

1842 г. Марта 2. Казань.

Дорогая тетенька.

Вот мы и снова в Казани¹, которая в весьма жалком виде. Что касается зданий, огнем уничтожено все, что было красивого. Наша улица, которая не из лучших, уцелела;² однако же дом наш был в опасности, так как все вокруг нас стало жертвой огня. В то время мы были в Панове³, откуда был виден ночью огонь, а днем дым.

Сереза и Митенька поступают будущей весной в университет и теперь много работают⁴. Лихорадка не захотела со мной расстаться окончательно и еще два раза меня посетила. Надеюсь, однако, что теперь она испугается пилюлей и прочих лекарств, которых я наглотался.

Целую ручки тете Лизе⁵, кланяюсь Пашеньке⁶, Терезии Антоновне и Петечке⁷. Прощайте, дорогая тетенька, прошу вас верить уважению и любви вашего почтенного племянника

Л. Толстого.

1845

2. Т. А. Ергольской

<перевод с французского>

1845 г. Августа 25... 28. Казань.

Хотя и с опозданием, а все-таки я вам пишу; себе в оправдание я мог бы много наврать, но я этого не сделаю, а просто сознаюсь, что я негодаю, не заслуживающий вашей любви. И хотя он сознает это и также всем сердцем вас любит, но у него столько недостатков, притом он такой лентяй, что не умеет доказать вам своей любви. А за нее простите его. Вот уже три дня, что мы в Казани⁸. Не знаю, одобрите ли вы это, но я переменял факультет и перешел на юридический⁹. Нахожу, что применение этой науки легче и более подходяще к нашей частной жизни, нежели другие; поэтому я и доволен переменной. Сообщи теперь свои планы и какую я намереваюсь вести жизнь. Выезжать в свет не буду совсем. Буду поровну заниматься музыкой, рисованьем, языками и лекциями в университете. Дай бог, чтобы у меня хватило твердости привести эти намерения в исполнение. У меня к вам просьба, милая моя тетенька, с которой я ни к кому не обратился бы. Но я знаю, как вы добры и снисходительны. Я обещал себе писать вам два раза в неделю; конечно, и вы будете столько же мне писать. Но ежели мне случится не выполнить своего обещания, не наказывайте меня, продолжайте писать, *пожалуйста*. Я рассчитываю, что таким образом у нас будет только две коротенькие беседы в неделю — это не то, что наши продолжительные разговоры в Ясном, когда мой камердинер уходил ужинать! А ежели вы будете лишать меня своего письма каждый раз, как я это буду заслуживать... Нет, вы этого не сделаете, вы все-таки будете мне писать. Вы видите, что о себе я все вам сообщаю, теперь очередь за вами. Состояние милой *Паиеньки* меня очень интересует. За горе, вызванное расставаньем с вами, я был вознагражден встречей с Николенькой¹⁰. Бедный малый, ему плохо в лагере и особенно должно быть тяжело без копейки денег. А товарищи его... Бог мой! что за грубые люди. Как посмотришь на эту лагерную жизнь, получишь отвращение к военной службе. Ежели вы в Ясном, милая тетенька, соберите, пожалуйста, все старые записки¹¹ и пришлите их с лошадьми и обозом. Тысячу раз целую ручки тете Лизе и целую Полину¹². Прощайте, *маленькая тетенька*.

Лев Толстой.

* 3. Н. Н. Толстому

<перевод с французского>

1846 г. Июня конец. Ясная Поляна.

Наконец-то, кажется, мне удалось отделаться от своей привычки бездельничать... Доказательство этого — мое письмо к тебе. Уже около двух недель я в *Ясном*, конечно, со всеми нашими, однако я только с завтрашнего дня начну вести образ жизни согласный с моими правилами. Ты рассмеешься слову завтра, а я все еще надеюсь... Нужно тебе сказать, что я занимаюсь, и серьезно, хозяйством, потому что, во-первых, это занятие для меня, а во-вторых, это развлечение, так как я придумываю разные машины и усовершенствования. Не знаю, говорил ли я тебе о трех книгах, которые я пишу, одна под заглавием «*Разное*», другая «*Что нужно для блага России*» и «*Очерк русских нравов*» и третья «*Примечания насчет, хозяйства*»¹³.

Так вот эти книги уже существуют, и мне очень хотелось бы, чтобы первые две ты прочел. «*Разное*» будет содержать поэзию, философию и вообще вещи не особенно красивые, но о которых приятно писать. О второй книге я тебе говорил. Так ежели бы ты захотел, мы могли бы пересылать друг другу сочиненное, которое мы нашли бы достойным почтовой платы — *гривенника*. Ты, вероятно, удивишься тому, что я говорю о стихотворениях. Я попытался в дороге сочинять, и это мне удалось. Путешествие вдохновляет. Знаешь, при каждой встрече с тетей Туанеттой¹⁴ я нахожу в ней все больше и больше высоких качеств. Единственный недостаток, который можно в ней признать, это чрезмерная романтичность. Происходит это от ее горячего сердца и от ума, которые нужно было бы куда-нибудь направить, а за неимением этого она всюду отыскивает романтизм.

Твой образ жизни, который ты мне описал, тебе очень подходит, и, вероятно, ты им доволен. Ты написал мне два письма¹⁵, в которых описываешь подробно, как ты живешь, но меня это не удовлетворяет. Хочу, чтобы ты сказал мне, что занимало и теперь занимает твои мысли. Что же касается меня, скажу, что мне грустно, потому что я все еще недоволен собою. Думаю, что сплин происходит именно от этого душевного состояния. Сережа привел своих лошадей в Тулу, чтобы пустить их на бега. Он все тот же и хочет самого себя уверить, что его лошади лучшие во всем мире. Митенька уехал в *Щербачевку* обращать малороссов¹⁶, Машенька¹⁷, по моему наблюдению, стала держаться более непринужденно и любезно и мне даже кажется, слегка увлекается *Дьяковым*. В твоих двух письмах стало меньше орфографических ошибок. Напиши мне, много ли их у меня.

Тетенька сердится, говорит, что пора идти ужинать и что я ничего не умею делать вовремя.

Прощай, за этим письмом вскоре последует другое. Пиши мне подлиннее; я уже испытываю удовольствие от чтения писем брата, которого люблю. А ты, кажется, еще нет. Ну, это придет.

Лев Толстой.

4. С. Н. Толстому

1849 г. Февраля 13. Петербург. 13-го февраля.

Сережа!

Я пишу тебе это письмо из Петербурга¹⁸, где я и намерен остаться навеки. Планы мои и причины этого решения следующие: несколько дней после твоего отъезда¹⁹ мы отправились тоже в противную сторону — мы, то есть Ферзен, Озеров и я. Приехавши, остановились я и Озеров на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта в гостинице «Наполеона» (я пишу это для того, чтобы адрес знал), я на другой день отправился к Лаптевым, к Толстым, к Оболенскому, к Пушкину, Милютину нашел, Иславиных тоже и пр., представили меня многим и мне многих. Одним словом, что как-то сделалось так, что знакомых гораздо больше здесь, чем в Москве, и *достоинством выше*.

Все меня уговаривают остаться и служить, кроме Ферзена, Львова (Ферзен, в скобках буде сказано, здесь что-то гадок, так себе, тише воды, ниже травы). Львов ничего, тот у великой княгини был на бале и так часто бывает, а все грустит по Маше²⁰ и завтра едет опять в Москву.

Я и решился здесь остаться держать экзамен и потом служить²¹, ежели же не выдержу (все может случиться), то и с 14 класса начну служить, я много знаю чиновников 2-го разряда, которые не хуже и вас перворазрядных служат. Короче тебе скажу, что петербургская [жизнь] на меня имеет большое и доброе влияние, она меня приучает к деятельности и заменяет для меня невольное расписание; как-то нельзя ничего не делать; все заняты, все хлопочут, да и не найдешь человека, с которым бы можно было вести беспутную жизнь — одному нельзя же.

Я знаю, что ты никак не поверишь, чтобы я переменялся, скажешь: «Это уже в 20-й раз, и все пути из тебя нет, самый пустяшной малой»; нет, я теперь совсем иначе переменялся, чем прежде менялся: прежде я скажу себе: «Дай-ка я переменяюсь», а теперь я вижу, что я переменялся, и говорю: «Я переменялся».

Главное то, что я вполне убежден теперь, что умозрением и философией жить нельзя, а надо жить положительно, то есть быть практическим человеком. Это большой шаг и большая перемена, еще этого со мною ни разу не было. Ежели же кто хочет жить и молод, то в России нет другого места, как Петербург; какое бы направление кто ни имел, всему можно удовлетворить, все можно развить и легко, без всякого труда. Что же касается до средств жизни, то для холостого жизнь здесь вовсе не дорога, все, напротив, дешевле и лучше московского; ни-почем квартира. Сейчас приезжал ко мне Оболенский и привозил письмо, только что полученное им от *брата Димитрия. Ужас*²². Я посылаю тебе это письмо, сам полюбуюсь. Что, ежели бы я с Оболенским не был так же хорош, как с Львовым и этими господами, я бы ускакал из Петербурга. Да он меня выживет отсюда, я только я жду, что он Шереметеву такое же письмо напишет, вот допекает-то. Разрешение обещаются, однако же, на днях выслать²³. Теперь пишу тебе о делах. Сделай милость, пошли за Андреем²⁴ и объясни ему, что мне деньги как можно больше нужно, во-первых, чтобы жить здесь, во-вторых, чтобы расплатиться с долгами в Москве. Ежели хлеба недостаточно, чтобы мне в скором

времени доставить сверх 250 и 500 р. сер., о которых я уже писал, еще 800 р. сер., так, ради бога, продай Савин лес или, ежели же и этого мало будет, то у Копылова за вычетом процентов вперед еще возьми; при продаже Савина леса первое условие: все деньги вперед. Деньги мне нужны не для житья моего здесь, но для уплаты долгов в Москве и здесь, которых с орловским проклятым долгом²⁵ оказалось 1200 р. сер. Надеюсь на тебя, *брат Сергей*, что ты мне все это обделаешь, похлопочешь и разрешение на лес из Опекунского московского совета, да и поглядывай, пожалуйста, изредка на Андрея Ильина и в ясенские счетные и хлебные книги. Всем нашим передай, что я всех *целую* и кланяюсь и что летом в деревне, может, буду, может, нет; мне хочется летом взять отпуск и поездить по окрестностям Петербурга, в Гельзингфорс и в Ревель тоже хочу съездить; напиши мне, ради бога, хоть раз в жизни; мне хочется знать, как ты и все наши эту новость примут, проси и их от меня писать; я же писать к ним боюсь, так давно не писал я к ним, что они, верно, сердятся, особенно перед тетенькой Татьяной Александровной мне совестно, попроси у нее от меня прощения. Оболенский тебе кланяется. Можешь себе представить, что Алеша Пушкин здесь *лев*, однако я его еще не видал.

Скажи, пожалуйста, Андрею, чтобы он мне писал; а то уже месяц, как я никаких известий ни от кого не получаю, не говоря уже [о] чувствах любви и т. п., денег-то у меня нет ни гроша.

Я все думаю, как это *брат Дмитрий* такое письмо вздумал написать, и решительно, кроме того, что он был пьян, для его же чести придумать не могу.

* 5. Т. А. Ергольской

<перевод с французского>

1849 г. Февраля конец. Петербург.

Простите меня, простите, дорогая тетенька, что я так долго не писал вам. Я не пытаюсь перед вами оправдываться, а *откровенно сознаюсь*, что я негодный, да к тому же я знаю, что вы и не способны на меня сердиться.

Пишу вам из Петербурга, где я нахожусь уже около месяца. Вот как это произошло: приблизительно в конце января двое моих приятелей — Ферзен и *Озеров* ехали в Петербург. У меня были деньги, и я сел с ними в дилижанс и уехал. Приехав в Петербург, я сделал несколько визитов — *П. В. Толстой*, *Пушкину*, *Оболенскому*, *Лаптеву*.

Я встретился с несколькими друзьями детства — *Иславимыми*, *Милютиными*, *графами Пушкиными* — все это вполне порядочные люди, которые убеждают меня здесь остаться. И действительно петербургский образ жизни мне нравится. Здесь у каждого свое дело, каждый работает и занят своими делами, не беспокоясь о других. Хотя подобная жизнь суха и эгоистична, тем не менее она необходима нам, молодым людям, неопытным и не умеющим братья за дело. Жизнь эта приучит меня к порядку и деятельности, двум необходимым качествам, которых мне решительно недостает, словом, к положительной стороне жизни.

Что касается моих планов, вот они: прежде всего хочу выдержать экзамен на кандидата в Петербургском университете; затем поступить на службу здесь или в ином месте, смотря как укажут обстоятельства. Относительно лета, как и вы, строить планов не хочу. Может быть, останусь здесь; быть может, поеду в Ревель, быть может, в Тулу²⁶. Ежели мне удастся все, тогда и решить будет легко.

Не удивляйтесь всему этому, дорогая тетенька, во мне большая перемена; я не в том экзальтированном философском настроении, за которое вы меня так часто бранили в *Ясном*, и более чем когда-либо я сознаю справедливость ваших советов во всех отношениях. Часто я говорю об этом с Костенькой Иславиным, который вас обожает.

Умоляю, сообщите о себе и о всех наших, включая и Николеньку, который, наверное, вам пишет. Я так давно потерял вас из виду, что, кажется, скоро забуду, как зовут моих теток, братьев и сестер.

Вот мой адрес: *на углу Вознесенского проспекта и Малой Морской, в гостиницу «Наполеона».*

Что приключилось с Андреем? Недели две тому назад я написал ему важное для меня письмо, а он не изволил ни отвечать мне, ни исполнять моих приказаний, несмотря на то что я велел ему писать мне с каждой почтой²⁷. Вероятно, он очень удивился, что я предлагаю *Гаши* приехать ко мне в Петербург²⁸. Прошу вашего совета на этот счет. Разве я нехорошо придумал выписать *Гашу*, чтобы она вела мое хозяйство? Ежели она согласится, пусть сама и решит, ехать ли мальпостом или на своих.

Пришлите мне, пожалуйста, каталог моей библиотеки и прикажите Андрею послать в Москву за фортепьяно и часами и доставить их в *Ясное*.

Целую ваши ручки и прошу ответа.

Гр. Лев Толстой.

1850

6. Т. А. Ергольской

<перевод с французского>

1850 г. Декабря 7. Москва

Четверг, 7 декабря.

Дорогая тетенька.

Приехал я в Москву во вторник, в 5 часов утра, живой, но не здоровый; мой флюс увеличился, я сижу дома и за два дня, что я в Москве, выехал только раз, ездил в часовню Иверской божьей матери, где заказал молебен. Я поручил дела, куда сам не выезжаю, Петру²⁹, которого застал в большом горе. А может быть, он и прикидывается. Вчера утром он явился в отчаянии с перекошенным лицом, бросился мне в ноги и стал просить прощения, что у него, пьяного, стащили 500 р. сер., которые он должен был внести в банк. Рассказ об этом несчастье из уст такого великого оратора, как вы легко себе представляете, был очень трогателен и очень длинен, поэтому я вас избавлю от него. Он подал заявление в полицию, в результате 350 р. сер. уже разыскали, остальные же 150 р., вероятно, пропали бесследно. Согласитесь, что беда не велика. В банке он устроил дела не совсем так, как бы этого хотелось, но сносно — срок платежа только отсрочен. Обо всем этом подробно пишу Сереже.

Приехал я прямо к князю Сергею³⁰, чтобы узнать о своих людях, которых я застал еще там. Квартира еще не нанята из-за задержки, происшедшей с посланными мною по почте 25 р. Николеньке. Таким образом, я принужден был остановиться в гостинице, но только на несколько часов, и оттуда я перебрался на свою квартиру; я ею очень доволен, она в доме Лобова *Сивцев Вражек в Старой Конюшенной*, плата 40 р. сер. в месяц с моими дровами, всего обойдется в 50 р.

Из знакомых видал только Исленьева, который продолжает играть, следовательно, проигрывать; Озерова, очень счастливого, который приезжал ко мне со своей женой, и Дмитрия Колошина, который по-прежнему жалуется на своих родителей.

Так как вы охотница до трагических историй, расскажу вам ту, которая надеялась шуму по всей Москве. Некто Кобылин содержал какую-то г-жу Симон, которой дал в услужение двоих мужчин и одну горничную. Этот Кобылин был раньше в связи с г-жой Нарышкиной, рожденной Кнорринг, женщиной из лучшего московского общества и очень на виду. Кобылин продолжал с ней переписываться, несмотря на свою связь с г-жой Симон. И вот в одно прекрасное утро г-жу Симон находят убитой, и верные улики указывают, что убийцы ее — ее собственные люди. Это бы куда ни шло, но при аресте Кобылина полиция нашла письма Нарышкиной с упреками ему, что он ее бросил и с угрозами по адресу г-жи Симон. Таким образом, и с другими возбуждающими подозрения причинами предполагают, что убийцы были направлены Нарышкиной³¹.

Я не рассказывал вам, какую непростительную штуку проделал со мной Андрей в Туле. Представьте себе, что вместо того, чтобы дать мне подписать, как было условлено, вексель в 250 р., он хотел, чтобы я подписал его, надеясь, что я не прочту бумаги, что со мной часто случается. Какая мерзость! М-ль Вергани

просила меня узнать, как послать деньги в Вену. Пусть она пришлет их мне, и я перешлю их безотлагательно; или же, ежели она это предпочитает, она может сама послать их на *Маросейку, в контору Бургарта, в собственный дом*. Сергей Колошин не женат, как были о том слухи, но он остепенился и много работает над переводами романов для журналов и пишет повести, которые печатаются³². Я не читал ничего из написанного им, но говорят, что он очень талантлив, и что его маленькие вещицы очень милы. По крайней мере, он честно зарабатывает свой хлеб и зарабатывает его больше, чем приносят 300 душ крестьян. Целую ваши руки и жду письма со всевозможными подробностями обо всем. *Гаше кланяюсь*, чтобы доставить ей удовольствие.

7. Т. Л. Ергольской

<перевод с французского>

1850 г. Декабря 9. Москва

9 декабря.

Дорогая тетенька!

Флюс у меня проходит, но я еще не выхожу из дому, а рассчитываю это сделать завтра, т. е. в воскресенье.

Поеду к графу Закревскому, к *Крюкову*, к старикам Перфильевым и к обоим князьям Горчаковым, Андрею и Сергею. Словом, завтрашний день я посвящаю визитам деловым и обязательным.

Третьего дня я послал сказать князю Львову, что я приехал и болен; он тотчас навестил меня и хотя он во многом изменился, но дружелюбен остался по-прежнему. Огареву я тоже дал знать, что приехал и желаю его видеть. Он тотчас явился, передал мне с большими извинениями мои два векселя, но денег, которые мне должен, не отдал. Его репутация совсем погублена в Москве. Жена его беременна, и он со дня на день ждет родов.

Рассказать вам больше нечего, сидя дома, не становись интересным. Зато читаю я много; абонировался у Готье³³ и уже прочел конец «Виконта де Бражелон»³⁴, прочел еще 4 тома «Людвика XIV и его время» Александра Дюма³⁵, поверхностно, но интересно и его же новый роман — «Тысяча и одно привидение»³⁶, такая масса вздора, что мочи нет. *Нет худа без добра*; говорю это по поводу того, что я отчасти рад, что болезнь меня продержала дома целую неделю; по крайней мере успел устроиться, *оглядеться*, а то могло бы произойти то же, что с Машенькой в Пирогове; я уже писал вам, что моя квартира очень хороша, она состоит из четырех комнат: столовая с маленьким роялем, который я взял напрокат, гостиная с диванами, 6 стульями, столами орехового дерева, накрытыми красным сукном, и тремя зеркалами, кабинет, где мой письменный стол, бюро и диван, постоянно напоминающий мне наши споры по поводу его, и еще комната, которая достаточно велика, чтобы служить и спальней и уборной, да еще маленькая прихожая; обедаю я дома, ем *щи* и *кашу* и вполне доволен; жду только варенье и *наливку*, и тогда будет все по моим деревенским привычкам. За 40 р. сер. приобрел сани, *пошеви*, которые здесь в моде, Сережа, наверное, знает какие, и купил всю упряжь, очень нарядную.

Кстати о Сереже, скажите ему, что я еще не был у Крюкова, потому что не был нигде, что проценты в банк внесены, и что все, что он хотел знать относительно дел, разъяснено в прилагаемой бумаге, переданной мне Петром, которого